

Н.М. Абиева

ЭПИСТОЛЯРИЙ А.П. ЧЕХОВА: ЭСТЕТИКА КОСТЮМА

В статье рассматриваются эпистолярные костюмные зарисовки А.П. Чехова. Выявлена семантика костюма в повседневности и в игровых сюжетах, полифункциональность костюма – от репрезентации ментальных и социальных стереотипов до знаковой.

Ключевые слова: костюм, одежда, эстетика повседневности, игровой контекст, эпистолярный.

N.M. Abieva

CHEKHOV'S EPISTOLARY: THE COSTUME AESTHETICS

The article is devoted to the costumes descriptions in Chekhov's epistolary. The author selects functions semantics of the costume in daily life and game story. There is representation mental and social stereotypes, signedness in the Chekhov's epistolary.

Key words: costume, clothes, daily aesthetics, game story context, epistolary.

Богатый источник информации – эпистолярный автор. «Как и любой вид человеческой деятельности, переписка развивалась постепенно по мере развития общества, приобретая определенные черты этого общества и впитывая дух соответствующего времени», – подчеркивает Н.В. Силаева [7, с. 6].

Неслучаен интерес самого А.П. Чехова к моде. Так, Н. Иванова, автор статьи «О Чехове и дамской моде», выделяет комплекс факторов, предопределяющих возрастание чеховского внимания к моде в 1883–1885 гг.: биографический (семья, рукодельница-мать, брат-художник и т. д.), историко-культурный (периодика), эстетический и т. д. [2]. И. Манкевич, автор монографии «Поэтика обыкновенного. Опыт культурологической интерпретации» [5], рассматривая костюм как ключевой объект репрезентации повседневности, обращается к чеховскому костюму, выделяя только существенные для нее произведения и письма.

Костюмные зарисовки в письмах – особый способ самовыражения и построения самого себя. «Жизнетворческая» программа Чехова, наряду с внутренним самоусовершенствованием, включает гармонизацию внешнего облика («В человеке все должно быть прекрасно...»). Кодекс чести Чехова – врача и человека, включающий требования к внешнему виду, не имеет ничего общего с дендизмом начала XIX века, целиком и полностью поглощенным вопросами моды. У Чехова это принцип отношения к жизни.

Неизменность костюма или, наоборот, его частая смена для Чехова знак материального по-

ложения носителя. Так, в одном из писем он сообщает сестре Марии о встрече в Ницце с А.А. Хотяинцевой: «А.А. Хотяинцева здесь еще, собирается в Париж. Всё в том же платье» (VII, с. 140), «Одежда она в то же платье, в каком была в Мелихове» (VII, с. 140). (Александра Александровна Хотяинцева – художница, внучка декабриста Ивана Николаевича Хотяинцева, не сосланного в Сибирь благодаря тому, что близкий друг его Пестель успел перед своим арестом уничтожить компрометирующие Хотяинцева документы [6]). Лаконичная фраза несет подтекст. Но при этом «платье» – знак особого элегантного стиля одежды женщины: «Среди русских, обедающих в Pension Russe, она самая интеллигентная, даже сравнивать нельзя» (VII, с. 140).

По контрасту с этим негативная оценка, данная жене издателя А.С. Суворина: «Сувориха ежедневно одевается в новые платья, поет с чувством романсы, бранится и бесконечно болтает. Баба неугомонная, вертлявая, фантазерка и оригиналка до мозга костей. С ней нескучно» (II, с. 296). Отношение Чехова – в назывании: «Сувориха» – имя, образованное по модели прозвища. В жесте смены платья угадывается женский тип – фельетонная женщина, шумная и болтливая.

Костюм в письмах часто входит в портретное описание, особенно женщин. Безоценочность в общем контексте формирует общее негативное впечатление, где традиционные принадлежности женского туалета становятся «неженственными»: «Не стрижется, носит корсет и турнюр, занимается хозяйством, любит петь и хохотать и не от-

кажется от самой шаблонной любви, хотя и читала «Капитал» Маркса, но замуж едва ли выйдет, так как некрасива» (II, с. 228). «Неэстетичность» – критерий оценки в том числе и профессиональных качеств: «Между прочим, на обеде познакомился я с женщиной-врачом Тарновской, женою известного профессора. Это толстый, ожиревший комок мяса... Поговоривши с ней, я мысленно вычеркнул ее из списка врачей...» (II, с. 229). Иронический эксперимент – зооморфизация («Если ее раздеть голой и выкрасить в зеленую краску, то получится болотная лягушка» (II, с. 229) – своеобразная рефлексия по поводу собственного впечатления. Оценка зависит от точки зрения или приподнятого настроения: «Женщины красивы и изящны. Да вообще всё чертовски изящно» (IV, с. 373) – восхищение или принятие всего во всей красоте.

Лейтмотив берлинских писем к сестре – немки безвкусно одеты: «Самое нехорошее здесь, резко бросающееся в глаза – это костюмы местных дам. Страшная безвкусица, нигде не одеваются так мерзко, с совершенным отсутствием вкуса. Не видел ни одной красивой и ни одной, которая не была бы обшита какой-нибудь нелепой тесьмой. Теперь я понимаю, почему московским немцам так туго прививается вкус» (XII, с. 115), «Ах, как немки скверно одеваются!» (XII, с. 122), «Ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние» (XII, с. 133). Безвкусица в общей картине мира – знак ее несгармонированности, немзыкальности. Некрасивость немки как намек на тоску по родине – не случайно словесное выражение «немки», как что-то чужеродное, а значит непривлекательное.

Упоминания об одежде в письмах у Чехова связаны с метеорологическими изменениями: обостренное восприятие погодных условий объясняется слабым здоровьем Чехова, еще с юношеских лет страдавшего болезнью лёгких.

Чехов в письмах лаконично сообщает: какова погода и во что он одет. Свой принцип объясняет так: если не пишу о болезни, значит здоров.

Лаконичные упоминания – это знаки самочувствия. Например, невыносимость летней жары: «Жарко невыносимо! Варюсь в собственном поте. Мой красный шнурок на сорочке раскис от пота и пустил красный сок; рубаха, лоб и подмышки хоть выжми. Кое-как спасаюсь купаньем...» (II, с. 302), «Жара ужасная. Нет сил ходить в крахмальной сорочке» (II, с. 266). Или затянувшаяся зима: «Весны нет. Оно как будто бы и не очень холодно, но

и не тепло в то же время. Из-под энтакой штуки не выходим: и шубы, и калоши, и печи – всё позимнему...» (VI, с. 128). Капризы погоды: «Погода у нас скверная. То тепло, то холодно, так что, выходя из дома, не знаешь, что надевать: летнее пальто или отцовскую шубу» (II, с. 32).

Курортный климат и раннее разоблачение ведет к сравнению: «Погода здесь чудесная, совершенное лето, и нет нужды ни в пальто, ни в калошах. Солнце как у нас в апреле – сладко греет, но не жжет» (VII, с. 110). Курортное безделье порождает муки совести: «Мне живется пока нескучно, еще не надоело. В Ницце тепло; хожу без пальто, в соломенной шляпе. Кусаются комары. Вообще недурно, но как-то совестно ничего не делать» (VII, с. 63). В бытовых ситуациях «мерцает» гоголевский сюжет об украденной шинели: «В Питере погода великолепная, но безденежье и отсутствие осеннего пальто, взятого у меня на бессрочный прокат одним нашим общим знакомым, портят всю иллюзию» (II, с. 37).

Костюм – часть повседневного быта; обрамляя будничные события, он формирует своеобразную эстетику повседневности.

Определенное настроение маркируется через детали: «Живу теперь в Новом Иерусалиме... Живу с апломбом, так как ощущаю в своем кармане лекарский паспорт. Природа кругом великолепная. Простор и полное отсутствие дачников. Я надеваю большие сапоги и иду куда-нибудь в Раменское или Рубцовское покушаться на жизнь окуней, голавлей и линей» (I, с. 115). Ощущение полной свободы, необремененность ненужным общением, великолепие природы, сознание завершенности одного из жизненных этапов – все это в совокупности создает ощущения пребывания в особом локусе – Новом Иерусалиме. «Большие сапоги» – знак отдыха и любимого досуга Чехова – рыбалки. И наоборот – сказочный архетип примеривания ботинка (см. о мотиве хождения в железных башмаках на край света в новелле «Дом с мезонином» [1]) «обыгрывается» в мотиве неудобной обуви: «Здесь плохой сахар и отвратительная обувь. Я исходил все лучшие магазины, долго выбирал, заплатил за ботинки 24 фр., и все-таки г. из не особенных; такое впечатление, будто хожу в кожаных калошах на босую ногу» (VII, с. 91).

Участие в семейных праздниках – это костюм шафера на свадьбе: «Сейчас облачаюсь во всё фракное и еду шаферствовать: доктор женится на попоне – соединение начал умерщвляющих с отпевающими» (I, с. 180). Ненормальность за-

дана соединением антитетичных начал. Иронизируя над нелепым нарядом, Чехов в то же время ощущает, как повышается его значимость в провинциальном мире: «Я шаферствовал в чужой фрачной паре, в широчайших штанах и без одной запонки, – в Москве такому шаферу дали бы по шее, но здесь я был эффектнее всех» (II, с. 72). «Нелепое» и «эффектное» оказываются почти тождественными.

Упоминание одежды в бытовых ситуациях в переписке с матерью и сестрой сопровождается эмоциями либо по поводу возможной порчи, либо необходимости покупать новую: «Повесь мое шелковое платье в гардероб (чтоб мыши не съели)...» (I, с. 199); «С ужасом думаю о том, что мне придется в Москве покупать себе шубу. Кстати: возьми мою шапку (с проседью) и отошли ее в «Русскую мысль». А еще лучше, если б ты вышла встретить меня на вокзале с шапкой» (V, с. 334). Просьбы, обращенные к родственникам, сопровождаются описаниями вещей с комическими штрихами для большего сходства / узнавания: «Скажите Маше, чтобы она вместе с шапкой прислала мне дорожный ремешок (*bon marché*)¹, маленькие запонки для манишки (штук 5) и черный галстук длинный (похожий на нож, которым обрезают книги, завязывающийся бантом)» (VII, с. 271). Приобретение вещей сопровождается конкретными указаниями, в которых просматривается желание сэкономить и не купить ненужную вещь: «Привези мне полстяные туфли, <ото>рые купи за рубль. Мерка – Иванова нога» (III, с. 198).

В заботах о родственниках («Милая Маша, мать просит купить ей готовую полуротонду и прислать», IX, с. 59), с одной стороны, стремление угодить желанию матери, по-женски следующей за модой («См. «Нива», выкройки, февраль: «длинная пелерина» № 1; мать хочет такую из драпа без меха», IX, с. 59); с другой – сделать гардероб максимально удобным: «У нее (матери – Н.А.) есть длинный балахон (из Ярославля) со шлейфом, который волочится по грязи, а удобного платья нет. Сегодня я водил ее к зубному врачу, извозчика до церкви не было, и я видел, какое мученье испытывала она в этом балахоне» (IX, 38).

В переписке с женой О.Л. Книппер-Чеховой появляются игровые мотивы: клич о помощи покровительнице-жене: «Дуся моя, лошадка... Подыскивай пока портного очень хорошего, который взялся бы шить мне шубу, подыскивай легкий мех» (XI, с. 279). Создание шубы включает несколько этапов. Во-первых, обоснование права на

обретение такой вещи: «Если пьеса моя пойдет, то я буду иметь право, так сказать, шить себе шубу получше. Имей это в виду, приглядывайся к мехам и к портным, чтобы задержки не было. Шуба нужна, главным образом, теплая и легкая. Буду ходить по Москве в новой шубе под ручку с женой» (XI, с. 285). Шуба нужна для Москвы и исключительно на выход, чтоб соответствовать жене – известной актрисе. Торопя жену, Чехов принимает роль подневольного, зависимого существа: «Ну, пупсик мой, обнимаю тебя. Выписывай меня поскорей. Неужели тебе не интересно увидеть мужа в новой шубе?» (XI, с. 300). Наличием шубы определяется стиль поведения: «Мне подниматься на 3–4 этаж будет трудновато, да еще в шубе! Отчего вы не переменили квартиры? Ну, да все равно, я буду в Москве сидеть дома, схожу только в баню, да в ваш театр» (XI, с. 306).

В процессе создания шубы покровительница-жена оказывается скрягой: «Неужели ты, лошадка, думаешь, что я на старости лет стану носить шубу или воротник из поддельного котика?» (XI, с. 308). Обосновывая свои требования к шубе («Мне нужна шуба, которая бы: 1) была очень теплая и очень легкая, 2) застегивалась на пуговицы, как пальто, 3) имела воротник из хорошего меха, не поддельного, не крысиного, а настоящего. И чтобы шапка была такая же, как воротник» (XI, с. 308), он позиционирует себя неприспособленным к жизни, неумехой («Ты скряга, между тем я отродясь не шил себе шубы, хотя расходовал очень много денег. Неужели будет нехорошо, если я сошью себе шубу за 300 или даже 400 р. (считая в том числе и шапку)? У шубы должны быть рукава подлиннее, во всяком случае не коротки» (XI, с. 308). И, в конечном счете, начинает сомневаться в ее способности осуществить задуманное: «Значит, теперь ты закажешь шубу? Или меня подождешь? Поступай, как находишь лучше» (XI, с. 308).

Мучительный процесс создания шубы связан с постоянными тревогами: «Сегодня я телеграфировал тебе насчет шубы. Боюсь, что ты закажешь шубу не в виде пальто, без пуговиц, и с выкрашенным котиком. Погоди, дуся, я скоро приеду» (XI, с. 309). Продумывая все детали («Если шуба будет тяжелой, то не проси тогда милости – отколочу, избью вдребезги. Не вели класть ваты, не лучше ли какой-нибудь пух, вроде, скажем, гагачьего» (XI, с. 314), наконец, берет все в свои руки, обещая наказать за неисполнение желания. Шуточное наказание за тяжелую шубу оформлено особым языком, на котором разговаривают супруги (Че-

хов придумывал жене забавные прозвища: «дуся моя», «ангел», «собака моя», «песик мой», «милая собачкой», «лошадка», «цапля», «актрисуля», «милюся» и т. д.). С другой стороны, в этом отзвуки пушкинских эпистолярных мотивов – угроз жене [3, с. 202–203].

Создание шубы, видимо, наконец, завершается, и муж просит ее принести на вокзал: «Я приеду в спальном вагоне; шубу не тащи в вагон, будет холодная, я надену ее в вокзале. ... Какой ты стала скрягой! Ты скоро будешь наклеивать на письмах марки, уже бывшие в употреблении. Отчего ты ничего не телеграфируешь? Я боюсь, что приказ ехать в Москву ты пришлешь по почте, а не по телеграфу. Я тебе отдам десять рублей, только не скупись, телеграфируй мне, не жадничай» (XI, с. 317) – но выясняется, что скупость жены доходит до предела. Разворачивается игровая комическая ситуация о жестокой жене: потратив деньги на шубу, она экономит на общении по телеграфу.

В письмах Чехова к жене иронически обыгрывает взаимоотношения жены-актрисы и бедного писателя-мужа. Нейтральное – «Твой немецкий муж в протертых назади брюках» (X, с. 208) сменяется угрозами: «Я нарочно хожу в протертых брюках, чтобы все видели и чувствовали, как ты меня разоряешь. погоди, скоро я буду без брюк ходить!» (X, с. 219), попыткой реабилитации («Твой муж в протертых брюках, но не пьющий», X, с. 222), видимыми припадками совестливости, истинный смысл которых – обретение новых штанов («Пиджаки и брючки мои износились, я стал походить на бедного родственника... Тебе будет совестно ходить со мной по Москве, и так и быть уж, я буду делать вид на улице, что ты со мной незнакома, – и так, пока не купим новых брюк» (XI, с. 44).

«Костюмный текст» А.П. Чехова включает словесную игру. Так, игровая семантика слова «штаны» формирует особый герметичный язык с максимальной степенью выразительности (о словесной игре в письмах пишет Т.В. Кыштымова [4]. Так, в переписке с братом, Ал. Чеховым, лейтмотив «штаны» – способ пожуричь брата, образное выражение для обозначения недовольства его поведением или поступком. Причем диапазон недовольства охватывает полюса: с одной стороны, недотепство, с другой – неблагодарность. Например, «Твое гнусное письмо с векселем получил, прочел и удивился твоему недоуменному уму. Штаны ты этакие, да разве я в своем письме упрекал тебя за

конкурс, бранил, называл скверно?» (II, с. 137), «Не будь же штанами и не забывай своего А. Чехова» (II, с. 178), «Не будь штанами и кланяется всем своим» (II, с. 32), «Прежде всего ты штаны за то, что не пишешь ничего о здравии твоих домочадцев...» (II, с. 44). Чаще всего использование слова сопровождается интонацией сожаления: «Штаны ты этакие, ...» (II, с. 137), «Все наши здравствуют и по-прежнему держатся о тебе такого мнения, что ты штаны» (III, с. 166), «Так-то, Саша. Не надо быть штанами» (VI, с. 276). В особых случаях слово становится почти ругательством: «Дубина! Хам! Штаны!...» (II, с. 95).

«Штаны» приобретают и иную коннотацию: «Возьми в рот штаны и подавись ими от зависти» (IV, с. 153), «Сними штаны и высеки себя» (II, с. 250), «Штаны брошу в Псел. К кому приплывут, того и счастье» (II, с. 309). Как предмет, самый близкий к телу и неотъемлемый атрибут повседневной жизни человека, «штаны», включаясь в устойчивые фразеологизмы, обыгрывают эмоциональные состояния. «Рву Шурке штаны...» (I, с. 43) «...А ты сам всей душой лезешь в трусы» (I, с. 177) – штаны здесь обозначают телесный «низ», связанный с грубыми чувствами и яркими эмоциями. Наконец, злостное пожелание: «Если не приедете, то желаю Вам, чтобы у Вас на улице публично развязались тесемки у кальсон» (I, с. 247) – пережить публичный позор. «...Я тоже сержусь по тем же причинам. Скотина! Штаны!» (I, с. 176), «Не будь штанами!» (I, с. 194), «Ремешок от штанов!...» (I, с. 283) «Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма» (II, с. 87).

Кроме того, появляются необычные обращения: «Ты кринолин и больше ничего...» (II, с. 114) или «Кокарда!» (I, с. 240) – эмоционально заряженное определение.

Творчество нередко осмысливается в семантическом поле «одежды». Критические суждения Чехова нередко содержат образные костюмные сравнения, позволяющие точно передать впечатление от авторской неудачи. Дельные советы находят отражения в чеховских формулировках, сравнениях, содержащих внимание к одежде. Такова, например, в письме к брату – Ал. Чехову – оценка женского персонажа в рассказ Ал. Чехова «На маяке»: «Ты положительно не знаешь женщин! Нельзя же, душа моя, вечно вертеться около одного женского типа! Где ты и когда (я не говорю про твое гимназичество) видел таких Оль? ... Твоя Оля – это оскорбление для такой гранд-картины, как маяк.

Не говоря уж о том, что она кукла, она неясна, мутна и среди остальных персонажей производит такое же впечатление, как мокрые, мутные сапоги среди ярко вычищенных сапог» (II, с. 104).

Высказываясь о рисунках в журнале «Осколки» («Боже, что за рисунки в последнем № «Осколков»! Мазня Юргенсона (?) на самом видном месте, мазня кабацкая с кабацкими стихами! Этот № перещегоолял даже Кланга и «Развлечение», II, с. 111), Чехов акцентирует внимание на неэстетичности, прежде всего, женского персонажа, оскорбляющей вкус образованного человека: «Декольтированная баба в центре эрберовского рисунка до того не изящна и кухонно гнусна,

что редактора и художника стоило бы посадить на гауптвахту. Не говорю уж о рисунке Лебедева, где ловит рыбу девица в декольте, в перчатках и в туфельках, – это так же возможно, как ходить на охоту во фраке и с шапокляком» (II, с. 111).

Чехов как художник бессознательно чувствовал символичность, знаковую костюма. Костюмные зарисовки в эпистолярной представляют собой не только самостоятельную художественную ценность. Костюм активизирует семиотические поля, как знак, он сопровождает разные ситуации, через костюм реализуется антропологическая парадигма, которая позволяет рассматривать вещь во взаимоотношении с личностью.

Библиографический список

1. Абиева, Н.М. Костюмная парадигма новеллы А.П. Чехова «Дом с мезонином» / Н.М. Абиева // Чеховские чтения в Таганроге : материалы I и II международных молодежных конференций. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2010. – С. 49–51.
2. Иванова, Н. О Чехове и дамской моде [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Нева. – 2010. – № 1. – С. 193–203. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/iv20.html>.
3. Козубовская, Г.П. Письма А.С. Пушкина и «московский текст» / Г.П. Козубовская // Русская поэзия: миф и мифопоэтика. – Барнаул : БГПУ, 2006. – С. 186–208.
4. Кыштымова, Т.В. Ономастическая игра в письмах А.П. Чехова к брату (на примере обращений и самопрезентаций) / Т.В. Кыштымова // Известия УрГУ. – 2008. – № 60. – С. 221–225.
5. Манкевич, И.А. Поэтика обыкновенного. Опыт культурологической интерпретации / И.А. Манкевич. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 712с.
6. Попов, П.С. А.А. Хотяинцева. Встречи с Чеховым [Электронный ресурс] / П.С. Попов. – Режим доступа: http://old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2068/%D0%A2%D0%BE%D0%BC%2068-36_%D0%A5%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf.
7. Силаева, Н.В. Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста (на материале английской частной переписки XVIII–XIX вв.) : дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 204 с.
8. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. / А.П. Чехов. – Москва : Наука, 1974–1983.